

С другой стороны кто-то приближался. Кенни был облачен в яркие одежды; его наряд оказался еще сложнее и пестрее, чем у вождя, но в глазах читался чистый ужас. Он не мог идти сам, и двое воинов волоком тащили его к жертвеннику.

Его уложили на платформу, и четверо воинов прижали его кверху лицом. Помощник жреца, одетый с ног до головы в одежды, принес черную каменную шкатулку. Старый жрец протянул иссохшую руку и взял лежавший внутри кинжал. Этот кинжал был отшлифован из обсидиана, а его поверхность стала гладкой от многолетнего использования.

Кинжал занесли над грудью Кенни. Жрец высоко поднял руки с зажатым оружием и затянул ритмичное заклинание, похожее на песнопение. Кенни, глядя снизу на верхушки деревьев джунглей, истошно закричал.

Последняя фраза заклинания прозвучала на высокой ноте, и крик Кенни перекрыл песнопения жреца. Кинжал опустился, вонзившись ему в грудь. Толпа у подножия жертвенника зашумела, и этот крик больше походил на ликующий рев.

Мин Жунся затерялся в толпе. В тот самый миг, когда опустился кинжал, он зажмурился, сжавшись всем телом, словно пытаясь увернуться от быстрой и страшной молнии. Он не смел открыть глаза, но в галдеже ему чудились жалобные вопли, звуки рвущихся мышц и ломающихся костей.

Эти звуки стихли, и ликование людей стало еще громче. Только тогда Мин Жунся открыл глаза. Он поднял взгляд на жертвенник: жрец высоко вскинул руки, призывая божеств, а в ладонях он держал окровавленный кусок плоти, с которого по рукам змейками стекала кровь. Этот кусок все еще содрогался, словно был живым.

Взошло солнце. Лучи пробились сквозь листву и осветили то, что держал жрец; люди вокруг орали и праздновали.

— Теперь я понимаю, почему меня так интересуют человеческие сердца, — шепнул Питер.

Мин Жунся посмотрел на своего спутника, с которым они вместе бежали всю дорогу. Тот зачарованно глядел на жреца, а на его губах даже играла улыбка — ему нравилось подобное зрелище, это было у него в крови.

Праздничные гуляния должны были продлиться весь день. Ближе к полутуру воины-орлы, нарядившись древними воинами, разделились на два лагеря: одни изображали орлов, другие облачились в шкуры леопардов, и они разыграли воинственный танец-представление. Их оружие было вовсе не бутафорским — каждый клинок сиял безупречной острой кромкой. Среди них выделялась одна испуганная фигура — человек из-за пределов деревни, какой-то бедолага, невесть откуда схваченный невинный чужак. Его привязали за ногу к круглому камню в форме солнца, так что далеко убежать он не мог. У него тоже было оружие, но он мог лишь жалко дрожать всем телом. Воины окружили его, из толпы брызнула кровь, и вскоре от несчастного остались лишь окровавленные обрывки.

Среди безумия этого праздника Мин Жунся выбрался из толпы. Его сердце бешено колотилось, а глаза в ужасе смотрели на людей, упивающихся жестокостью. Рядом послышался смех, но в нем слышится жестокая насмешка. Кейт, обхватив колени руками, сжалась в клетке; она искоса глядела на празднующих и смеялась.

Постскриптум: Продолжение дела потрошителя

На остывающей поленнице костра вился тонкий сизый дымок. Нагулявшиеся всю ночь люди уснули ближе к рассвету: они валялись на земле вповалку, остатки еды валялись под ногами, повсюду запеклась разбрызганная кровь, а над обрубками жертв кружили мухи, отыскивая последние капли крови.

Кейт съежилась в углу клетки, пряди растрепанных волос свисали перед ее покрасневшими глазами. Раньше ей тоже приходилось сталкиваться с маньяками, но те безумцы, что убивали ради забавы, по крайней мере осознавали, что лишают жизни себе подобных. А эта стайка индейцев — разве их вообще можно назвать людьми? Убийство для них так же естественно, как нарезать курицу ради мяса.

Цепь на двери загремела, засов сдвинулся. Кейт медленно подняла голову и увидела стоявшего снаружи индейца. Ее вытащили из клетки.

— Мисс Дэвидсон, не бойтесь. Женщины нам в качестве жертв не нужны, мы не убиваем невиновных просто так.

Вождь махнул рукой, и один из воинов принес воду и еду, поставив их к ногам Кейт.

Это заставило Кейт изумиться.

— Вы меня отпускаете?

— Нужно повторить дважды? Ритуал окончен, а ваша цель здесь выяснена. Мало того, что мы вас отпускаем, так еще и это.

Вождь снова взмахнул рукой, и другой воин подошел, держа в руках золотое блюдо. Он поднял его над головой, склонив голову и согнувшись в пояске, словно в его руках было нечто большее, чем просто беспрецедентное сокровище — священная, неприкосновенная реликвия. Кейт приняла блюдо обеими руками: оно оказалось тяжелым, отлитым из чистейшего золота, а в самом его центре три изумруда были впаяны в золото в виде подставки, удерживающей золотой колокольчик.

Кейт торопливо ухватила за колокольчик.

— Постойте! Прежде чем звонить в него, вы понимаете, чем именно собираетесь

воспользоваться?

Голос старика прервал движение Кейт. Старый жрец Очепанистли держал обе старческие руки на весу, словно пытаясь перехватить колокольчик из рук девушки.

— Это вещь богов, и пользоваться ею дозволено лишь богам. Смертный, что дерзнет применить ее по своей воле, неминуемо навлечет на себя небесную кару. Разве тот, кто отдал вам колокольчик, не предупредил об этом?

Кейт взглянула на колокольчик и в растерянности сжала его в ладони.

— Вы уже прикоснулись к нему, и даже если мы вас не убьем, жить вам осталось недолго. Дать вам пожить еще немного решили по двум причинам. Вы вернете колокольчик и золотое блюдо своему нанимателю, и, взглянув на них, он сразу поймет, кто мы такие. Если он сочтет, что вы справились с поручением хорошо, то, быть может, испросит у богов защиты для вас, дабы продлить ваши дни. Ну а вторая причина в том...

Старый жрец протянул руку и вытащил из толпы Мин Жунся, за которым следовал Питер.

Мин Жунся нес в руках сумку — он уже собрался в дорогу.

— Питер — член нашего племени, а Мин Жунся — наш гость. Они натворили кое-каких дел в Штатах, и им потребуется ваша помощь.

— Боюсь, они натворили там вовсе не «кое-каких дел», — искоса взглянула на Мин Жунся Кейт. — Я-то думала, вы бедная жертва похищения, а вы, оказывается, соучастник.

Мин Жунся хотел было оправдаться, но, сообразив, насколько всё запутано и необъяснимо, лишь опустил голову.

Чувствуя за спиной поддержку, Питер больше не боялся этой женщины и перехватил инициативу:

— Ну и как же вы собираетесь отчитаться перед своим начальством? Правду расскажете? И кто вам поверит? Мы тут даем вам шанс замести следы. Отказываетесь — неужто жить надоело?

Кейт сжала кулаки, и в ее глазах вспыхнула глубокая, жгучая ненависть, однако кулаки продержались в напряжении лишь мгновение и тут же разжались...

Вернувшись в отель, Кейт без устали стучала по клавишам, а на столе уже лежала стопка распечатанных отчетов. Начав абзац второго отчета, она внезапно замерла, оторвшись от

клавиатуры. Кейт откинулась на спинку стула, массируя виски — этот второй отчет давался особенно тяжело.

Спустя несколько дней в кабинете директора Федерального бюро расследований легли три документа. Первый — отчет о закрытии дела, второй — заявление на длительный отпуск. В руке директор держал третий документ, который также являлся отчетом о закрытии дела. Вот только на его обложке красовалась строчка с рекомендацией присвоить бумаге гриф секретности. Директор постучал костяшками пальцев по папке, погрузившись в мрачные раздумья.

Громкое на всю Америку дело потрошителя было официально объявлено закрытым. Имя выдающейся агентки Кейт Дэвидсон и ее история спасения стали известны СМИ благодаря официальному представителю ФБР; телевидение, газеты и интернет — все новостные каналы только об этом и говорили. Заставивший всех понервничать китайский заложник Мин Жунся, как сообщалось, благополучно вернулся на родину. Журналисты из разных стран следовали за ним по пятам в Китай, но перед вспышками камер этот китайский студент хранил полное молчание. Поползли слухи, что из-за пережитого ужаса он получил тяжелую психологическую травму и временно лишился дача речи. Трагически погибший при исполнении долга федеральный агент Кенни был возведен в ранг народного героя: репортажи гласили, что именно он вел последнюю схватку с потрошителем и сумел освободить заложника.

Ужасающий убийца Питер Картер был экстрадирован на родину мексиканской полицией. Толпы журналистов создали автомобильную пробку еще на подъезде к аэропорту — каждый стремился хоть краем глаза взглянуть на личину монстра, но преступнику надели на голову плотный мешок еще при выходе из самолета, так что разглядеть его истинное лицо никому не удалось. Судебный процесс прошел стремительно, и вскоре судья приговорил потрошителя Питера Картера к ста двадцати восьми годам лишения свободы за убийство первой степени.

Однако грандиозный резонанс от этого кровавого дела не утих даже после вынесения приговора. Издатели наперебой разыскивали Кейт Дэвидсон: книга, написанная ответственной за расследование особой, обречена была стать бестселлером. Именитые голливудские сценаристы также пытались выйти с ней на связь. Но их надежды оказались тщетными — завершив дело, Кейт бесследно исчезла, и никто не знал, куда именно она подалась.

В глубоком переулке за шумной улицей байкеров прятался клуб с круглые сутки запертыми дверями. Створки отворялись лишь изредка для избранных, и даже знавшие этот район мелкие хулиганы не смели просто так стучать в них. Говаривали, будто какой-то заносчивый дурень вздумал потребовать с них плату за «крышу», но стоило ему перешагнуть порог, как он пропал навсегда.

Однако сегодня какая-то женщина смело постучала в дверь — и ее действительно впустили.

Кейт с золотым блюдом в руках шаг за шагом продвигалась вглубь клуба. Освещение здесь было таким же тусклым, как и во время ее прошлого визита, а дикие взгляды людей, притаившихся в тених, напоминали звериный оскал. Не обращая внимания на эти взоры, Кейт спустилась по ступенькам в подвал.

— Вы и впрямь не обманули моих ожиданий, истинно храбрый и превосходный агент ФБР.

Сидевший на тронном кресле в подземелье красивый мужчина держал в руках газету — он уже был в курсе всех перипетий, причем знал даже больше, чем сообщали внешнему миру.

Этого человека звали Миллер. Ничего не отвечая, Кейт протянула золотое блюдо. Индейка по имени Чанτικο приняла его и передала Миллеру. Кейт внимательно всмотрелась в ее наряд: стиль одежды был точно таким же, как у племени Золотого Колибри.

Золотой колокольчик под пальцами Миллера рассыпался сияющей пылью и исчез. Миллер с явным интересом вертел в руках блюдо, изучая его со всех сторон. На его лице отразилось удовольствие:

— И вправду оно — древняя реликвия эпохи ацтеков. Похоже, вы отыскиали тех, кого мы искали. Отличная работа! Вы получите щедрый дар от богов, мисс Дэвидсон!

— Но у меня есть пара вопросов... — Кейт попыталась задать их, но ее внимание привлекло странное зрелище наверху.

На потолке, напоминавшем усыпанное звездами ночное небо, внезапно оторвалась одна из «звезд». Она падала прямо в руку Миллеру, но не коснулась его кожи, застыв в воздухе в нескольких сантиметрах.

Миллер улыбнулся, заметив ее ошеломленное выражение лица:

— Это камень сбора духов, я принес его из святилища Города Вечного Сна. С его помощью даже самый заурядный человек способен обратиться в «сверхчеловека». Но он крайне разборчив, далеко не каждого удостоивает своим признанием. Вам повезло, мисс Дэвидсон: во время прошлого визита он уже признал вас.

Сияющая «звезда» внезапно вспыхнула ослепительным светом. Зрение Кейт обожгло вспышкой, и одновременно она почувствовала, как свет коснулся ее тела — или даже проник внутрь. А после этого сознание померкло.

Когда Кейт очнулась, она по-прежнему лежала на полу подвала. Миллер восседал на своем троне, а по обе стороны от него застыли телохранители. Она обхватила себя руками — никаких внешних изменений не ощущалось.

Заметив, что она пришла в себя, Миллер поднялся на ноги.

— Добро пожаловать в наши ряды, Кейт Дэвидсон. Теперь я могу представиться официально: я — подчиненный богини луны Койольшауки, предводитель четырехсот звездных воинов Звезд Юга, яркая звезда первой величины Миллер. Отныне и твой предводитель.

— Звезд Юга? — Кейт понимала всё меньше и меньше из того, о чем они толковали.

Миллер легко кивнул:

— Да. С этой минуты ты больше не смертная, ты — Избранный Богом Воин Лунной богини, гордая воительница среди четырехсот звездных воинов Звезд Юга. Я знаю, у тебя масса вопросов, и со временем я на все отвечу, но сейчас тебе пора учиться забывать жизнь простых людей. Принеси клятву верности Лунной богине! Она — повелительница ночной тьмы, и она сокрушит грязных паразитов, очистив этот мир! Все, кто встанет у нее на пути, будут уничтожены нами!

Металлический визг заполнил подземелье. Кейт увидела, как золотое блюдо, парившее над ладонью Миллера, словно под воздействием невообразимого давления в десятки тысяч тонн, сжалось: изумруды на нем разлетелись в пыль, а золото расплющилось в тончайший лист фольги, который медленно опустился на землю.

— Друзья, война началась! И начнется она с них! — объявил Миллер присутствующим, наступив ногой на золотой листок, бывший некогда блюдом.

Предисловие: Воспоминания, унесенные ветром

Спасаясь от осаждавших его репортеров, освещавших дело потрошителя, Мин Жунся покинул город и вернулся в свой заброшенный деревенский дом. Здесь, вдали от городского шума и суеты, по утрам будил крик петухов, а за размеренным трудом крестьян текла тихая, неторопливая жизнь, которая помогала быстро забыть всю усталость и страх недавнего бегства через полмира.

Старый дом достался ему в наследство от деда; после смерти старика жилье унаследовали он сам, мать и старшая сестра. Мать терпеть не могла это место и несколько раз порывалась его продать или снести, но благодаря упорству его и сестры дом устоял. Здесь сохранились воспоминания об их с сестрой детстве, когда дед, несмотря на преклонный возраст, словно непутевый мальчишка, водил их по горным тропинкам и полевым межам.

Корни материнской ненависти к старому родонесу крылись в самом деде. Мин Жунся так до конца и не понял сути конфликта между матерью и дедом, но после поездки в Америку всё вдруг встало на свои места.

Дед никогда не рассказывал ему сказок — всё, о чем он говорил, оказалось чистой правдой. И про богов, и про Избранных Богом Воинов, и про войну между божествами — всё это было реальностью. В молодости дед сам был Избранным Богом Воином и даже в старости надеялся, что его потомки продолжат служить богам.

В детских воспоминаниях гибель отца была окутана тайной. Мин Жунся до сих пор помнил тот момент, когда отец уходил из дома: его согбенную спину с чемоданом, прощальные слова,

звучавшие как предсмертное завещание, и раздраженные подгоняния деда. Отец был изгнан дедом, изгнан в какое-то неведомое место. А вскоре пришла весть о его смерти — точно так же, как и тогда, когда погибла сестра: среди летней ночи внезапно принесли страшную весть.

Теперь, оглядываясь назад, Мин Жунся понимал, что тогда отец наверняка отправился в Город Вечного Сна, чтобы стать Избранным Богом Воином. А потерпевших неудачу ждала лишь смерть.

При этой мысли Мин Жунся закрыл глаза.

Мать прекрасно знала, куда отправлялся отец. Она считала, что именно дед загнал ее мужа в могилу, и опасалась, что ее двое детей пойдут по отцовским стопам. После гибели отца отношения матери с дедом испортились окончательно: она забрала его с сестрой в мегаполис, оставив старика в одиночестве доживать век в деревне, где он в конце концов и скончался от болезни.

Убираясь в гостиную, мать то и дело ворчала и проклинала этот ветхий дом. Мин Жунся лежал в спальне, не видя ее лица, но легко мог представить этот изможденный, вечно недовольный вид изъеденной заботами женщины.

Будь дед жив, он, возможно, помог бы ему разобраться с нынешними трудностями. Юноша вспомнил черный каменный клинок, который дед то и дело показывал им, неизменно именуя его Божественным Клинком. Кто знает, может, это и вправду была божественная реликвия, только вот после смерти деда тот нож куда-то пропал.

Мин Жунся перевернулся на другой бок и встал.

— Ты куда? — бросила мать, занося веник.

— Пройдусь ненадолго, — накинув куртку, Мин Жунся вышел за дверь.

Деревенские холмы пестрели сочной зеленой травой — совсем не такой, какую искусственно высаживали в парках, а полной дикой, безудержной жизни. Мин Жунся поднялся к обрыву на задней горе. В детстве он оступился и сорвался отсюда, думая, что разобьется насмерть, но очнулся целехоньким на руках у деда.

Дед вовсе не был заурядным деревенским стариком. Каждый год он навещал родственников в большом городе, хотя никогда не уточнял, каких именно. Да и поговаривали, будто то были вовсе не родные, а давние приятели деда по бурной молодости, крутившие серьезные дела в Шанхае. Если вдуматься, дед никогда не занимался тяжелым крестьянским трудом, но в доме отродясь не переводились деньги.

В Шанхае наверняка кто-то остался. Сидя на краю обрыва, Мин Жунся погрузился в раздумья.

Если дед был звездным воином на службе у Бога Тьмы, то и другие звездные воины могли обитать в Шанхае. Однако эти люди обычно тщательно скрывали свое существование, и даже поездка в Шанхай вряд ли помогла бы их отыскать.

Похоже, дед предчувствовал свой конец: он ушел удивительно чисто, перед отправкой в больницу спалив все блокноты и письма, оставив при себе лишь реликвию, которую почитал величайшим сокровищем — тот самый нож. Говорили, что это древний антиквариат, за который кое-кто предлагал немалые деньги, но дед обронил странную фразу: мол, вещь, что тебе не принадлежит, не принесет толку, даже если подарить ее другому. Он всегда твердил, что клинок дарован богами, а раз дед умер, то и оружие должно было вернуться к своим хозяевам.

Никаких зацепок, ведущих в Шанхай, не осталось, племя Золотого Колибри помогать отказалось, и теперь у него оставалась всего одна ниточка. Мин Жунся вытащил из кармана бумажку — ту самую записку с адресом Миллера, которую оставила Кейт.

О самом Миллере Мин Жунся знал крайне мало: он даже не слышал его полного имени, а лицо видел лишь на фотографиях. Характер и нрав этого человека упоминались в письмах сестры лишь вскользь, лично они никогда не встречались.

Мать никогда открыто не высказывалась по поводу отношений сестры с Миллером, но Мин Жунся чувствовал: она не одобряет этот межкультурный брак, считая, что союзы людей из совершенно разных миров обречены на крах. Тем не менее, это был осознанный выбор сестры, она уже выросла, и никто не в силах помешать ей сделать свой шаг. Мать понимала: если попытаться преградить ей путь, это вызовет лишь отторжение, а потому надеялась, что при более близком знакомстве они сами разглядят недостатки друг друга и постепенно отдалятся.

Мин Жунся не разделял материнского неприятия. Он рассуждал иначе: если сестра действительно ладит с Миллером, то их союз можно только благословить, да и факты доказывали, что чувства между ними были крепкими. Мин Жунся не знал, какие общие темы они обычно обсуждали — сестра казалась мягкой лишь с виду, но обладала твердым характером, и если Миллер умел мириться с этим, значит, он был чутким и заботливым мужчиной.

Такой человек наверняка должен быть покладистым? Кто знает, может, сестра сейчас как раз с ним? Когда буря вокруг дела потрошителя уляжется, ему следовало бы снова съездить в Штаты — оставалось лишь надеяться, что Миллер всё еще там, что удастся разыскать сестру и поставить во всем этом точку.

В кармане ожил мобильный телефон — пришло текстовое сообщение. Взглянув на экран, Мин Жунся невольно улыбнулся: весточку прислала Лина Итон. Та самая американская девушка, с которой они были знакомы совсем недолго, но продолжали поддерживать связь.

Начинающая певица сообщила, что во время выступления в баре ее заметил скаут — говорят, он был представителем крупной компании, специализирующейся на поиске и раскрутке новых

талантов. Лина была на седьмом небе от счастья: ей наконец-то выпал шанс стать настоящей звездой.

Мин Жунся искренне восхищался несгибаемым духом этой девчонки. Сколько бы неудач ни падало на ее долю, как бы ни был прекрасен ее голос и сколь бы огромным ни был талант, от рассылки кассет звукозаписывающим компаниям до участия во всевозможных конкурсах и прослушиваниях — до сих пор всё заканчивалось провалом. Причины отказов бывали самыми разными, но Лина никогда не теряла боевого задора из-за несправедливого к ней отношения. В ее сердце всегда жили мечты и страсть, а на лице сияла улыбка — даже если случались минуты уныния, они длились ровно пять минут.

Мин Жунся поднялся на ноги. Ветер со дна пропасти свистел так громко, будто ревел дикий зверь. Казалось, шагни ты сейчас в эту бездну — и ветер подхватит тебя, унеся на край света.

Он вдруг вспомнил: много лет назад он ведь и вправду взмыл ввысь на ветру. В тот момент, когда он сорвался со скалы и потерял сознание, они с дедом летели на ветровых потоках, и старец прижимал его к себе, вынося со дна пропасти прямо к облакам.

Глава вторая: Солнечный Камень

Содержимое все еще обрабатывается, пожалуйста, зайдите позже.

Глава первая: Зубастая змея (звукозаписывающая компания)

СМИ потеряли интерес к делу потрошителя с поразительной быстротой — возможно, здесь не обошлось без давления сверху. К тому же после возвращения в Китай то и дело вспыхивали новые информационные поводы, отвлекавшие внимание репортеров.

По всему миру то и дело вспыхивали катастрофы. Безусловно, бедствия и прежде случались регулярно, но столь частые и разрушительные природные катаклизмы за столь короткий отрезок времени, к тому же сопровождавшиеся странными аномалиями — вроде тайфунов там, где их отродясь не бывало, и невиданных наводнений в засушливых регионах — создавали впечатление, будто кто-то искусно дергает за невидимые нити. В некоторых желтых телешоу даже заговорили о приближении конца света.

<http://bllate.org/book/22004/2287611>